

Михаил ПЕСИН

Родился в 1949 году в Горьком. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта. Работал в Ленском речном пароходстве инженером. С 1971 года – профессиональный журналист, работал в разных должностях, от корреспондента до главного редактора. Автор поэтических сборников, ряда публикаций (стихи и проза) в литературных журналах и альманахах.

Лауреат многих фестивалей и конкурсов авторской песни. Живет в Нижнем Новгороде.

В ДЕРЕВНЕ, ПОСРЕДИНЕ ЛЕТА НА МЧАЩЕМСЯ В БЕЗВЕСТНОСТЬ ШАРЕ

* * *

Как дурманна черёмуха
в деревеньке моей!
Там под сердце без промаха
дробью бьёт соловей.
Там с огромного тополя,
что у дома стоит,
лист, сорвавшийся, по полю,
кувыркаясь, летит.
Там кукушкины слышатся
крики в чащах лесных.
И так вольно мне дышится,
и так сладостны сны!
Позабыв многолюдную
блажь, в сосновом бору
там над речкой Люндюю
я стою на яру.
Сердце полнится радостью
и полощет река
в перевёрнутой радуге,
как в тазу, облака.
Пусть лишь краткие гости мы
в этом бренном краю,
исполать тебе, Господи,
за деревню мою!
За рассветы росистые,
на колючей стерне.
И за то, – что российское
дал Отечество мне.

Сливопад

Радуюсь, что в ливни спасся,
сад, с улыбкою счастливой,
после яблочного Спаса
одарил нас сбором сливы.
И кровей лиловых гости
из тенёт тенистых сада,
к нам в распахнутые горсти
повалили сливопадом.
Сливы падали, ликуя,
то ли в вёдра, то ли в травы,
и текло тепло, бликуя,
с тонких веток синей лавой.
Ах, как будет сливы прав куст,
когда, скрывшись в терпкой плоти,
нам пришлёт привет свой август
и в варенье, и в компоте!
Праздник сливового сбора
длился долго.

Обещая,
в белой лодочке фарфора
к нам приплыть на чашку чая,
чтоб в улыбке растянуться
рту, счастливыми губами,
глядя, как плывут по блюдцу
то ли сливы, то ли гривы,
то ль игривые гурами.

Этюд в манере пуантилизма

Июль палит жарой за тридцать
и вязкий воздух над рекою
дрожит, двоится и дробится,
на марле марева покоясь.
С утра соседствуя с удачей,
стремглав слетев с небес высоких,
стрекозы синие судачат,
на сабле согнутой осоки.
Едва заметные движенья
сапфирных крылышек синхронно
копируются отраженьем
в зеркальной глади речки сонной.
Зелёно-жёлтой глубли гамма,
янтарность сосен вертикаля,
надёжнейшею амальгамой
скрывает сказы Зазеркалья.
Где, средь чащобы трав придонных,
мальки, мелькая, мили мелят
и, одинокий, беспардонно
спит окунь на прогретой мели,
где опрокинутое небо

обноски облаков полощет,
где, может, удалось и мне бы,
став светом солнечным, на ощупь
лепить из переливов цвета
хрустальные химеры хмари,
в деревне, посредине лета
на мчащемся в безвестность Шаре.

Сорок один стих про войну

В бесконечности Вселенной, –
никуда и не откуда,
в бесконечности Вселенной, –
то ли случай, то ли чудо,
кружит крохотная искра
среди триллионов прочих,
кружит искра и бормочет
и взывает: – Авва, Отче!
Коль уж так оно сложилось, –
то ли случай, то ли чудо,
коли через мрак столетий
я ещё светла покуда,
удержи свои созданья, –
те, в кого вдохнул ты душу, –
от извечного желанья
всё разграбить и разрушить.
Или я не их качала
в колыбели океана,
или соком трав дурманных
не затягивала раны?
Что ж, от века и до века
манит их одно и то же:
человека человеком
известить и изничтожить?
Излечи их, Всемогущий!
Иссуши бесово семя
растерявшее разумность,
есть ещё покуда Время
и бескрайнее Пространство,
чтобы крохотная искра –
то ли случай, то ли чудо,
всё летела и кружила
никуда из ниоткуда.
А иначе лопнут жилы,
брызнут реки, рухнут горы
и во мраке непроглядном
бесконечности Вселенной
пред Твоим предстану взором
я, среди потухших прочих,
как, окаменевший с горя,
выжженный из жизни... прочерк.

Памяти друга и соавтора Андрея Худина

Плывут облака над речушкой,
как души друзей и родных...
Теперь вот и ты среди них, Дюшка,
курчавишься в лапах сосны.
Весёлый, талантливый, юный,
с прищуром глядишь на меня.
И иглы сосны, словно струны,
под пальцами ветра звенят.
И будто я вновь с тобой вместе
ночным переулком бреду,
и самая лучшая песня
бормочется нам на ходу.
Пусть жёны ревнуют, тревожась,
к нам несуществующих дев,
мы нынче расстаться не сможем,
пока не написан припев.
Пока к нам сквозь фальшь и длинноты
не брызнет удачи просвет,
покуда последняя нота
не свяжет финальный куплет.
Разливший остатки по кружкам,
с трудом от волненья дыша,
я крикну: – За гений твой, Дюшка!
Ты скажешь: – За песню, Мишань!
И встретит рассвет приходящий
на кухне, где дым и разгром,
фигуры двух сладко храпящих
за полным окурков столом.

Плывут облака над речушкой.
Дожди сентябрём принесло.
И нет твоей музыки, Дюшка.
И нету в душе моей слов.
Лишь ночью (прости эту дурость!)
вплываешь ты облаком в сны
с курчавящейся шевелюрой
под струны звенящей сосны.

* * *

Годы летят.
Всё трудней оглянуться назад.
Столько ребят
нам из прошлого в спину глядят!
Столько людей,
столько самых любимых друзей
памятью дней
превращают мне сердце в Музей.

Годы летят.
Но никак отпустить не хотят:
девочки взгляд,
школьный двор, пионерский отряд.
Гомон лесной,
над речушкой студёною зной.
Бал выпускной –
ожидание жизни иной.

Годы летят.
Поначалу как будто шутя.
Ночи – в страстях,
утра – в стылых трамвайных путях.
Бусинки слёз.
Поцелуй – самый первый – всерьёз.
Дни – колесом:
Мендельсон, Мендельсон, Мендельсон...

Отшелестя,
листья падают, в снег уходя.
Тихо грустя,
я с гитарой присяду в гостях.
Дети галдят,
дети с дедом грустить не хотят.
Годы летят.
Слава Богу, покуда летят...